

УДК 811.512.145 276.6:34

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ БУЛГАРСКОГО ХАНСТВА «MAGNA BULGARIA»

Умеров Э. Ш.

Юридическая служба «Омер-Бекташ»
E-mail: edie70@mail.ru

В работе рассматривается, на основе «Хронографа русской редакции» и сделанных из извлечений из «летописца Эллинского и Римского» на стр.25-27, переведенной со старо-церковно-славянского языка проф. А. Поповым, и исследованный акад. А. Куником и проф. В.В. Радловым, «Именник болгарских хаганов», язык болгар государства «Magna Bulgaria», в период с IV по VIII вв. н. эры, на территории Северного Причерноморья, Северного Приазовья и Крымского полуострова. Исследования лексики, имен и титулов «Именника болгарских хаганов», указывают на прямое отношение языка древних болгар к древнему чувашскому языку.

Ключевые слова: болгарское ханство «Magna Bulgaria», «Хронограф русской редакции», «летописец Эллинский и Римский», «Именник болгарских хаганов», Ботпай хан, род Дулу – Дуло, род Ашина, «алтом= алт-ом – алтан – (шестьдесят), «шехтем – шехт-ом-саксан (восемьдесят); «вечем = ве – ом – учон (тридцать), «тутом – тортон (сорок); «алеем = ал- ем – еллир -«пятьдесят»; «твирем – йигирма (двадцать); «текучетом – теку – четем -семьдесят девять; «шегор = саккыр = сегыз; куньми – шаньюй – каган; сяньюйцы рода «цифу»; Забер хан -Ча-быргъан или Чакъ бэргэн – дарованный временем.

Постановка проблемы. Исследуя проблему древней истории образования и развития крымскотатарской государственности и права во времена существования в Северном Причерноморье, Северном Приазовье и Крымском полуострове болгарского ханства, именуемого в источниках «Magna Bulgaria», а также учитывая, что одним из важнейших критериев государственности является наличие в исследуемом государстве государственного языка, принимая во внимание то, что вопрос принадлежности государственного языка в одном из последних наших исследованиях остался удовлетворительно неисследованным.

Вопросы языка древних болгар IV – VIII вв. в Северном Причерноморье, Северном Приазовье и Крыму, был предметом изучения целого ряда ученых России и за рубежом в 18-19 вв., которые, в своих исследованиях, относили болгар хана Кубрата и хана Аспаруха, и к *ираноязычным*, и к *финно – угорским*, и даже *славянским племенам*. Мы не будем здесь, в связи с ограниченным объемом статьи, приводить работы русских ученых – Венелина, Иловайского, Костомарова, и др., разрабатывавших тезис славянства древних болгар, отметим лишь, что этот тезис не нашел своего подтверждения в дальнейшем. Например, А.Ф. Гильфердинг в своей работе «История сербов и болгар» [3, 3-14], указывает о финно-славянском происхождении и финно – славянском языке исследуемых нами древних болгар государства «Magna Bulgaria», хотя и пишет о тюркских обычаях, укладе и быте древних болгар [3, 25-

27]. И. Иречек, в своей обширной «Истории Болгар», изданной в 1878 году, неуверенно, но относит болгар к финской группе языков, при этом, подчеркивая *их тюркоязычие*, пишет – «в 517 году н.эры, вместе со славянами явились на Дунай неславянские Болгаре, финские или тюркские номады, которых не следует смешивать с нынешними Болгарами» [9, 103]. Викентий Макушев, написавший большую рецензию на работу Иречека И., пеняя Иловайскому, указывал о том, что. – «(...)...таким образом, опровержение, представленное г. Иловайским, тюрко-финской теории оказывается неудачным, а его доказательства в пользу славянского происхождения Болгар следует признать несостоятельными и произвольными (...)» [11, 278]. Н. Овсяный, также не берет четко определить язык древних болгар, считая, что – «вопрос о происхождении болгар, появившийся в науке в конце XVIII века, вызвал целую литературу, но и до сих пор в нем остается много противоречий и невыясненных сторон. Рассказывая о сделанных исследованиях в этой области, тем не менее, Н.Овсяный, отмечая работы Гильфердинга, Голубинского, Соколова, Туннмана, Канитза и др., указывает о том, что. – «их (болгар – Э.У.) следует отнести к семье финно-уральских или татарских народов» [15, 1]. Первым, из русских ученых, занимавшихся болгарской проблематикой, отметил их тюркоязычие, был Матвей Соколов, который пишет, что. – «Последних (болгар – Э.У.) многие несправедливо относили к финскому племени, между тем как они принадлежат к Тюркам, и притом, как думает Куник, к Старо – Тюркам, пришедшим в Россию за долго до нашествия Монголов. (...) Если бы такая точность в определении родства исчезнувших Болгар с Тюркскими племенами оказалась и не совсем правильной, то во всяком случае остатки языка Болгар несомненно свидетельствуют об их тюркском происхождении» [22, 92]. Наконец, проф. К. Рот, в 1908 году опубликовал свое исследование, посвященное истории славян, в котором орды хана Аспаруха, сына Кубрат хана, прямо называет *потомками тюрко-татарских завоевателей* [20, 10]. Перечисляя дореволюционных исследователей, не могу, не упомянуть о проф., Е. Голубинском, который в своей работе указывал, что. – «этими (болгарскими – Э.Умеров) завоевателями были родичи гуннов и угров и вообще народ уралочудского племени – болгары, придоша от Скуф, рекше от Козар, рекоміи Болгаре, седоша на Дунаи, населници Словеном быша» [4, 3]. Другой проф. П. Голубовский, разрешая вопрос о языке болгар, не приходит к единому мнению, относя болгар то к чуди, то есть, финскому племени, то к тюркскому племени [5, 3]. Тем не менее, в середине второй половине XIX в., зарубежными и русскими учеными, в большинстве своём, были сделаны первые шаги в подтверждение мнения о болгарском происхождении чувашей. Это обстоятельство, учитывая, что чувашаи являлись тюркоязычными, уже прямо указывало на тюркоязычие древних болгар всего Северного Причерноморья и Приазовья.

Немного ранее, в 40-х гг. XIX в., чешский ученый П. И. Шафарик, ссылаясь на данные исторических источников, заключил, что чувашаи – *потомки волжских болгар* [24, 269]. В 1863 г. татарский ученый мулла Хусейн Фейзханов выступил в печати со статьей «Три надгробных болгарских надписи», в которой представил научной общественности результаты расшифровки *болгарских эпитафий чувашскими словами* [25, 395-404]. Вскоре и крупный ориенталист Н. И. Ильминский опублико-

вал статью о *чуваши́ских слова́х в болгарском языке* [8, 80-84]. После публикации в 1866 г. «Именника болгарских царей», академик А. А. Куник заявил в печати, что в чувашах он видит остатков волжских болгар, что чувашаи, «*задолго до вторжения татар*», поселились в Среднем Поволжье, наконец, что с чувашами связаны «*хагано – болгары на Дунае, черные болгары на Кубани*» [10, 118-161]. Венгерский ученый Б. Мункачи, который в 1887–1894 гг. опубликовал три статьи о болгаро-чувашских словах в венгерском языке и подтвердил выводы академика А. А. Куника [36, 467-474]. В 1897 году финский ученый Х. Паасонен издал труд «Тюркские слова в мордовском языке», в котором рассматривал, главным образом, *чуваши́ские заимствования, свидетельствующие о болгарском влиянии* [38, 1-64]. В написанном в 1904 г. труде «Волжские болгары» И. Н. Смирнов пришел к выводу, что *болгарский язык – древнечуваши́ский язык, Волжская Болгария – древнечуваши́ское государство, болгарская культура – древнечуваши́ская культура* [21, 64-80].

Исследования по языку булгар, послереволюционного периода, практически, остаются неизменными, вплоть до конца 20 столетия, за исключением того, что исследуемый нами *древнебулгарский народ*, в советской, да и болгарской науке, стал *ираноязычными*. Этому служили следующие обстоятельства. Известно, что в годы Великой Отечественной войны нападение фашисткой Германии на СССР стали сравнивать с монголо-татарским нашествием. В таких условиях 9 августа 1944 года, ЦК ВКП (б) принял постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В нем была подвергнута критике идеализация татарскими историками и литераторами тюркского государства Золотой Орды и имелось предупреждение: *не смей увязывать историю и культуру татарского народа с Золотой Ордой*. Очевидно, поэтому, до настоящего времени, в АН Болгарии преобладает точка зрения, согласно которой, булгары государства хана Кубрата «Magna Bulgaria», и государства его сыновей – хана Аспаруха, Батбаян хана, Курум хана, являлись ираноязычными.

В 70-80 -е годы XX в., карачаевский филолог, ученый С.Я. Байчоров, собрал, классифицировал и расшифровал северокавказские болгарские наскальные рунические письмена с особенностями чувашского типа р – языка. Исследования С. Байчорова позволяют говорить, что рунические знаки Восточной Европы и древнешумерский язык, близки к буквам уйгурской классической письменности Центральной Азии (70 – 80-е гг. XX в.). В то же время лексика карачаевско-балкарского языка сходна, с одной стороны, с лексикой древнетюркской письменности памятников Орхона и Енисея – *Кюль – Тегину* и *Бильге Кагъану*, а с другой, эта же лексика сходна с шумерской лексикой Ближнего Востока [2, 123-151].

Таким образом, учитывая родство карачаевского и балкарского языков с крымскотатарским, в сравнении с «Опытном словаря тюркских наречий», незабвенного проф. В. В. Радлова, где стержневым и связующим для упомянутых языков является известный крымскотатарский словарь – Кодекс Куманикус, написанный в 1287-1303 гг., в г. Солхате (совр. г. Старый Крым), и сохранившийся в книжке стихов поэта Петрарки, в библиотеке монастыря Святого Марка в Италии, можно говорить и родстве булгарского государственного языка «Magna Bulgaria» с современным крым-

скотатарским языком. Отметим, лишь, что этот аспект требует дополнительного и специального исследования. Взглянем на этот аспект с точки зрения археологии.

Как известно, Саркел – единственный исследованный город, выстроенный и заселенный народами, создавшими салтово-маяцкую культуру, является несомненным хронологическим эталоном для всех средневековых памятников юго-востока Европы. Так утверждает археолог С. Плетнева [17, 2]. О единстве салтово-маяцких памятников р. Дон и, практически, всего Приазовья, М. И. Артамонов писал ещё в 1940 г., когда после раскопок Саркела, пришёл к заключению, что культура этого города совершенно идентична культуре строителей белостенных крепостей верховьев Северского Донца и Дона. Крепости эти М. И. Артамонов считал *феодальными замками* [17, 3]. Согласно мнению С. Плетневой, вывод М. И. Артамонова заключается в следующем: – *«народы, обитавшие в Подонье и Приазовье в VIII-IX вв., представляли собой конгломерат различных, взаимовлияющих друг на друга племенных групп, состоявших в основном из ираноязычных аланов и тюркоязычных болгар. Причём, тюркский язык, судя по одинаковым надписям на камнях Маяцкого городища и на баклажках, найденных на нижнем Дону, был распространён по всему Подонью и на аланских лесостепных, и на болгарских степных поселениях, и в кочевьях* [17, 4]. Результатом исследовательских работ археолога И. И. Ляпушкина, по мнению С. Плетневой, явилась большая статья, в которой впервые была создана классификация салтово-маяцких памятников (городищ, поселений, жилищ и погребальных комплексов). Источниковедческий подход к археологическому материалу позволил И. И. Ляпушкину сделать ряд выводов, главнейший из которых заключается в разделении салтово-маяцкой культуры р. Дон на два варианта – *северный и южный* [17, 5]. *Северный вариант* характеризуется городищами с каменными стенами, поселениями осёдлых племен, жилищами-полуземлянками и катакомбными могильниками аланов – выходцев с Северного Кавказа, *долихокранов – европеоидов*; *южный вариант* – обширными городищами, укрепленными земляными валами, жилищами-юртами и ямными могильниками, в которых похоронены *брахикраны – европеоиды*, относящиеся к той же *антропологической группе*, что и покойники из *праболгарского могильника* у села Нови Пазар (в Болгарии) и *болгарских волжских могильников* у сёл Кайбелы и Большие Тарханы. Аналогично разделил салтово-маяцкую культуру и Н. Я. Мерперт, работавший над классификацией погребальных обрядов и вещей Салтовского могильника и раскопавший в 1957 г. *древнеболгарский* могильник у с. Кайбелы [17, 6-7]. Не подлежит сомнению, писала С. Плетнева, что в целом такое деление культуры имеет достаточно оснований. Как указывает И. И. Ляпушкин. – *все памятники южного варианта относятся к праболгарам. Юго-западная граница* культуры, как и *северная*, вырисовывается довольно определённо. На Таманском полуострове к ней относятся средневековые (VIII-IX вв.) слои Таманского городища и Фанагории. Памятники этого типа заходят и в Крым. Следует отметить большую каменную плиту, обнаруженную и описанную в 1925 году О. Акчокраклы, потерянную, и вновь, через 70 с лишним лет, обнаруженную братьями Александром и Андреем Ена, в 2011 году, в районе старого села Абузлар в Крыму, на которой сохранились рунические знаки и тамги, среди которых мы можем указать на тамгу болгарского рода Дуло [7, 6-7].

Таким образом, вся степная полоса от Волги до Дуная была занята, по-видимому, народами, создавшими салтово-маяцкую культуру. Разумеется, на всей этой громадной территории салтово-маяцкая культура была далеко не однородной. Она распадается на несколько вариантов, количество которых увеличивается по мере роста наших знаний. Сегодня, пишет, археолог С. Плетнева, в 1967 году, мы уверенно можем говорить о *семи вариантах* одной той же культуры: *средневожжской, дунайской, дагестанской, крымской, приазовской, нижнедонской и верхнедонской* [17, 7-8].

Через двадцать лет, болгарский ученый Д. Димитров, в своей монографии «Протобулгары северного и западного Черноморья», в 1987 году, пишет буквально следующее. – «Наиболее смутным представляется местоположение реки – Чдар – болгар, её помещают и в бассейны *Big Rombit* или р. Дон, и в восточной части Крымского полуострова, и на севере Дагестана. И, что примечательно, в каждом из четырех названий рек слово «*Булгар*» имеет разные формы. По мнению Д. Димитрова, эти обстоятельства являются неоспоримым доказательством существования диалектных особенностей (подчеркнуто нами – Э.У.) у различных древнебулгарских племен, отразившихся даже на их общем этнониме [6, 7-8].

Важнейшим источником для изучения языка булгарского ханства «*Magna Bulgaria*» является древнейший из письменных источников по истории булгарских ханов – «*Именник булгарских хаганов*». В 1866 году проф. А. Н. Попов, в числе текстов рукописей «*Еллинского летописца*», опубликовал один из важнейших документов по древней истории булгарского ханства – «*Именник булгарских каганов*», имеющий неопределимое значение для науки истории крымскотатарского государства права. Поэтому, проф. А. Н. Попову, крымскотатарская наука истории государства и права, обязана разъяснением этого вопроса. В двух рукописях, носящих заглавие: «*Летописец Эллинский и Римский*», нашел проф. А.Н.Попов отрывок родословия дунайских Хагано-Булгар. При именах ханов обозначены церковно-славянскими цифрами продолжительность правления и на каком-то неславянском языке продолжительность жизни каждого кагана [18, 25-27]. Вот как описывает свои размышления А. Куник во время изучения *Именника*. – «*При ближайшем сравнении этих болгарских чисел с числами Якутов, османов, Восточных Тюрков и т.д., встретилось поразительное сходство в звуковом отношении, но в то же время встретились и значительные различия. Тотчас же возникла у меня мысль, что все тюркские народы с нынешнего времени должны делиться по своим языкам на две главные отрасли, из которых одна уже во время нашествия Гуннов (или даже до Аттилы?) проникла далеко в Европу*» [10, 122]. «*Шафарик, правда. – продолжает А.Куник. – был на верной дороге, и лучше чем его предшественники выяснил тюркское происхождение конного народа, смешавшегося, впоследствии со Славянами, но он внёс в этот вопрос неисправимую путаницу, назвав Булгар урало-финским народом и отнеся другие родственные им племена к отрасли «уральской Чуди»* [10, 123]. «*Велико число тех, которые в продолжение последних десятилетий, -пишет А.Куник. – считали финское происхождение Хагано-Булгар за окончательно решённый вопрос.(...) В особенности не мало содействовал увековечению этой галлюцинации привратный взгляд на происхождение Магьяров (...). Точно также останется не-*

опровержимым в историческом отношении и то, что Магьяры были покорены тюркской ордой и под ее влиянием в степи преобразовались в конный народ» [10, 125]. Исследуя «Именник...», А. Куник, отметил интересную особенность относительно существования у древних болгар собственного письма. «В пользу предположения транскрипции славянского текста с греческой рукописи следует привести форму «верени» (смотрите имя 6-го кагана), предполагающую византийскую форму «Вер». Не воспользовались ли. – вопрошает А. Куник. – в известных случаях, по переходе через Дунай, болгарские хаганы греческим шрифтом? Допустить это возможно, так как и Славяне, до изобретения славянского алфавита, употребляли, хотя и в крайне редких случаях, греческие буквы. Равным образом можно допустить, что Болгаре – язычники, имели и своё собственное письмо ещё до перехода через Дунай. Эн – Недим, сообщивший нам сведения о письме Руссов (язычников?) 10 века, упоминает также о письменности (языческих?) Болгар. В одной из следующих глав, этой работы, А. Куник ещё раз возвращается к этому предмету и сообщает сведения об алфавите одного гуннского племени (Черных Болгар?) на Кавказе, встречающиеся у одного древняго сирийского писателя» [10, 127]. Большая часть ханских имён, упоминаемых в болгарском Именнике, известны нам из Византийцев, которые естественно только тогда вспоминали о болгарских хаганах, когда эти последние подавали к тому какой-нибудь особенный повод. «Так как хронологически указания Византийцев о вступлении на престол упоминаемых ими хаганов вполне согласуются с преемственной росписью хаганов в Именнике, то этим бесспорно подтверждается правдивость показаний Именника». – пишет А. Куник [10, 128]. Особенного внимания заслуживает известие Именника, что восемь ханов или султанов были из рода Дуло. Это известие подтверждают и византийские писатели 9-го столетия, Феофан Исповедник и Никифор Патриарх [10, 17-168]. В этом отношении сошлемся на бесценные сведения Н. А. Аристов, который прямо указывает о роде Дуло. – «имя Ботпай встречается в сказании византийского историка патриарха Никифора о разделении болгарской орды, (...) правление Ирника, то есть Ирника (это несомненно тюркское имя, у енисейских киргизов князь Ерناق стоял во главе третьего поколения киргизов, боровшихся с русскими) сына Аттилы, без сомнения должно быть также почитаемо (первой) династиею, вторым периодом политической жизни хуннов и дулатов на западе. С Курта видимо начинается, около 574 года, третий период, в котором во главе остатков хуннов стало племя дулу, старейшины котораго делают наследственными болгарскими князьями [1, 350-351]. «На основании данных Именника болгарских князей. – пишет Н. Аристов. – и других обстоятельств, можно полагать, что род д у л у вероятно существовал до Рождества Христова, потому что часть его во II столетии после христианской эры укочевала вместе с хуннами от пределов Китая, из нынешней западной Монголии, в киргизскую степь и затем разделила судьбы гуннов, после же распада царства Аттилы вожди дулу стали во главе той части болгар (союза гуннских и отуреченных угро-финских родов), которая основала болгарское царство за Дунаем» [1, 351-352].

Вернемся к Именнику. 15 марта 1866 года, академик А. Куник, направил письмо в Барнаул, профессору В. В. Радлову, с целью ознакомить его с открытием проф.

А. Попова, рассказав также и о своём беглом определением этого открытия. В ответ на его просьбу подвергнуть при досуге его мнение и взгляды проверке, В. В. Радлов прислал А. Кунику, 10 февраля 1867 года, из Барнаула сравнительную таблицу числительных имен различных тюркских народов. В своем письме к академику А. Кунику, В. В. Радлов писал. – «Согласно желанию Вашему пытаюсь объяснить болгарские числа и сравнить с числами известных мне тюркских наречий я пришел к следующему выводу, (...), что эти числа принадлежат народу, говорящему на тюркском наречии и что это наречие очень близко к чувашскому» [10, 139-142]. 1) «алтом= алт-ом есть, без сомнения, алтайско-татарское – алтан – (шестьдесят), так что алт=алты должно иметь значение чувашского алта (шесть); 2) «шехтем-шехт-ом-алтайское саксан (восемьдесят) так что шехт должно бы означать «восемь» или как показывают числа шехт-шегор (правильнее было бы, без сомнения шагор или шегар), к которому всего ближе стоит чувашское саккыр»; 3) «вечем=веч-ом, вероятно, соответствует алтайскому учон (тридцать), так что веч=уч должно бы означать три. Весьма близко к слову веч чувашское висе. Тридцать по чувашски вутур»; 4) «тутом, конечно, ничто иное, как алтайское тортон (сорок); торт соответствует следовательно форме тут, при чем опущено р. Это обстоятельство заслуживает тем менее удивления, что в чувашском дватта (четыре) р выпущено. В единицах болгарских чисел мы находим дван (четыре), которое мы тоже должны сопоставить с дватта и торт. Здесь обращает на себя внимание замена звука н звуком т. Быть может, прежде оно и произносилось двант, так что гласная у в слове тутом произошла из ва»; 5) «алеем=ал-ем стоит, как кажется, близко к тюркскому еллир и к чувашскому алла, и означает, следовательно, «пятьдесят»; 6) «тивирем мог бы я сопоставить с татарским йигирма(двадцать), по киргизскому йирме, по телеутскому йигирме (тийгерме) произносится чэгэрбэ. Правильнее было бы писать это слово тивирем»; 7) «текучетом самое загадочное изо всех чисел. Я полагаю, что это не простое, а сложное число, которое надо писать так теку-четом; означает же оно семьдесят девять, так что слово тегу соответствует слову тох, то есть девять, а слово четем означаяет семьдесят-четтен алтайское, при этом чет обозначало бы семь и с ним можно было бы сопоставить чувашское сичча»; 8) «шегор =саккыр=сегыз, смотри шехтем; дван=дватта-торт, смотри тутом; дилом=билом-пилик, смотри алеем; верени, конечно же ничто иное, как татарское бир, чувашское пер, можно предположить, что у Болгар это число произносилось бер или бере; дохс, тох, теку без сомнения происходит от татарского тогус (девять) и произносилось, как должно полагать по аналогии с шегор, первоначально токор, по чувашски девять = тукур, девяносто, по всей вероятности, произносилось (по аналогии с шехтем) тохтом; сомор- здесь мы не находим подобия в тюркских языках, так как сопоставить сомор с йигир из йигирми было бы, по моему мнению, несколько рискованно, хотя якутское сюрбэ и могло бы служить здесь переходом из чувашского сирим так же смело было бы привести здесь монгольскую форму хуйар». В заключение, приведя все добытые результаты в виде таблицы, проф. В. В. Радлов писал. – «Вот результаты моих изысканий; чувствую сам всю неудовлетворенность их. Тем не менее, я надеюсь, что они вполне достаточны для того, чтобы

подтвердить Ваше мнение о тюркском происхождении болгарских чисел и о близкой связи их с чувашскими числами» [10, 142-143].

Наиболее древние титулы правителей кочевых народов – *царь* у скифов, *куньми* у усуней, *царь царей* (*шах ин шах*) у юечжи в период их правления в Кушанском царстве, *шаньюй* у гуннов – не стали традиционными у восточноевропейских болгар. В III в. у сяньбийцев появился титул государя – *каган*. Как полагает Габриель Моле. – «титул *каган* появился среди сяньбийцев группы «*цифу*» во второй половине III в. н. эры, постепенно заменив у народов Центральной Азии и Восточной Азии, гуннский титул – *шаньюй*». Канадский исследователь Пуллиблэнк полагает, что впервые, титул *кагана* принял один из правителей рода «*туюйхуней*» в 285 году. Он же, указывает, что китайские источники дают противоречивые сведения о времени появления титула *каган*, называя первым каганом, также, Шулюганя, около 405 года, или, Куалюя, VI века, или просто отмечая, что «во времена Вэй и Чжоу их государи стали зваться *каганами*». Г. Е. Марков, полагает, что титулы *каган* и *хан* – это титулы «*правителей земледельческих государств*» [12, 68]. Это мнение подтверждается мнением Ф.Энгельса, который считал, что основой феодализма было земледелие, и завоевательные походы его по существу имели целью приобретение земель [28, 408]. Применительно, к Северному Причерноморью, если учесть, что первое упоминание о племенах оногуров, входивших в состав империи гуннов, мы находим у Приска [19, 108], под 461-465 гг. н. эры, а конкретно, о оногурских государях – *Забер хане* (*Ча-быргъан* или *Чакъ бэргэн* – дарованный временем), *Сандил хана* (*Сантиллик* – одарённый многой, разнообразной речью), правительнице *Аккъагъас*, о которых упоминает Менандр, [19, 109]. наконец, приняв во внимание, «Именник болгарских каганов» [18, 25-27], ведущий своё начало, с конца I века н. эры, мы должны признать, что титулы *хана*, *кагана* и *катунь*, как институт государя кочевого государства «*Magna Bulgaria*», применялся, на территории от р.Волги до р.Дуная, уже в конце I – начале II вв. н. эры. Титул *кагана* был у правителей жуаньжуаней, предтечи аваров и Аварского каганата в Восточной Европе. Полный титул *кагана* – «*цю доу фа кефань*», что в переводе с жуаньжуаньского языка на китайский язык, означило – «*правлящий каган, приведший к расширению (пределы страны)*», приведенная этимология соотносится и именем Кубрат хана. Каганы имели пространные титулы – «*юйчен-каган*» – «*милостивый каган*», который, согласно исследованиям Э. Ш. Меметовой, правомерно, соотнести, с выражением «*юдже Алла*», в современном крымтатарском языке, в значении – «*милостивый Аллах*» [13, 12-21]. или, что также соотносимо с «*ути-каган*» – «*божественный каган*», приставку «*ути*» – «*божественный*», что, по – нашему мнению, корректно соотнести с приставкой «*ути*», в этнониме «*ути-гуры*», названии одного из племенных союзов уйгуров – «*божественные уйгуры*», отвечая на вопрос В.В. Радлова, высказанный им, во фразе. – «*мы принуждены остановиться на том, что «от» или «ут» есть атрибутивная приставка, однако, определить ее смысл трудно*» [19, 110]. Сведения о титуле *кагана* у тюрков дал П. Б. Гольден: «*Каган* – хорошо известный алтайский титул, значащий «*император*», эквивалент византийскому – «*базилевс*», со всем тем, что предполагает претензии на универсальное правление. Очевидно, потому что, *каган* считался святым, и его обязанности включали ряд шаманско-религиозных функ-

ций. Вера в это проявилась в ряде церемоний, таких, как *ритуальное удушение тюркского кагана, хана во время его инвеституры* (обычай сохранившийся хазарами Хазарского каганата, кыпчаками ханства Дешт-и-Кыпчакъ, ханами Золотой Орды, ханами Крымского ханства, династии Гираев – Э.Умеров), участие кагана в церемониях предсказания будущего и взгляд на кагана как на символический, приносящий счастье, амулет, нужный для благополучия государства. Как это ясно засвидетельствовано орхонскими надписями, *каган правил по мандату Неба*, благодаря чему, каган, был источником всех законов и творцом политики. Титул *кагана* был подобен древнему титулу – *шаньюй*. Жена *кагана* имела титул *катунь* [27, 83-85].

Имя правительницы (катунь) сабиров *Боарикс*, связывается с названием реки, у которой они обитали, и, может быть, происходит от него. Моравчик приводит также славянскую форму имени «*Боарикс*», где «*Боа*» – имя, «*рикс*» – «*рекс*» – в значении – «*государь*», которые указывают, по-нашему мнению, на тюркскую основу, в первом слове – «*Боа*», которое мы ассоциируем со словом – «*бабушка*», «*дедушка*», «*старшая мать*» – старшая в роду, государстве, в форме почтительного обращения у старших – «*бува*» [21, 77-88], что хорошо подтверждается формой английского перевода текста Иоанна Никиусского – «*queen Boa*» [26, 85], и показывает нашу правоту в части княжеского титула крымской правительницы.

Считаем также необходимым упомянуть об этимологии, встречающегося в «Хронографии» Феофана оногурского и болгарского имени – «*Gorda*» [27, 17]. Д. Моравчик предлагает тюркско-венгерскую этимологию, от *Oyurda* – «*друг огуров*» и тюркскую этимологию, от слова «*Qurt*» – в значении «*волк*» [35, 114]. Не отвергая точки зрения Моравчика, Ф. Альтхайм приводит также среднеперсидскую этимологию от «*qurd*» – в значении «*герой*». Однако, китайское «*Juan-Juan*» больше соответствовало в древнетюркском языке - слову «*Qurt*», которое имело значение «*волк*»; потому что волк, был тотемным зверем у тюркютов, в том числе, *западных*, например, волчий ханский род Ашина (*волк*) в Хазарском каганате, кроме того, имя «*Qurt*» встречается в алтайских именах князей [31, 355]. Вариант имени, сохранившийся списками «Хронографии» Феофана- «*Кробатун*», передает, с точки зрения Хауссига, алтайскую форму – «*Qorobatu*», дословно, «*князь червя*», так как, «*Quru\Qurt*», в имени народа или хана объяснимо как замена запретного (тотемного) – «*Qurt*» в значении «*волк*» на обычное «*Qurt*» – в значении «*червь*», аналогичное китайскому «*Juan-Juan*», в значении – «*волк*» [39, 415]. Д. Немец, сомневаясь в приведенной выше этимологии, видит в форме «*qobrat*» повелительное наклонение от тюркского глагола «*qobran\qubran*», в значении – «*собирать*», засвидетельствованного коктюркскими и уйгурскими надписями; в связи с чем, имя «*Куврат*», по Немецу, означает «*ты должен собрать (народ) снова*» [37, 171-174].

Любопытным является значение имени болгарского хана Батбаян, смысл которого, необходимо рассматривать как эволюцию в развитии властной, государственной титулатуры кочевых государств Восточной Европы в IV- VIII вв. Тюркское «*baiyan*», в значении «*богатый*», часто употреблялось как имя собственное у тюркских ханов [27, 259]. Имя – «*Бат*» у Феофана Исповедника, видимо, следует понимать по аналогии с «*bat*», в имени хана *Кробат-а*, потому что Г. Хауссиг, переводит его в значении – «*князь*» – «*Furst*» [39, 430], то есть, «*князь Баян*». Однако, В. Зла-

тарский и Д. Ангелов отождествляют *Батбаян хана*, с известным, по «Именнику болгарских ханов», ханом *Безмером* [33, 196]. Этимология имени хана *Аспарух* рассматривается Д. Моравчиком из тюркско-булгарского «*Esperu x\Esberu x*» [35, 75]. Ф. Альтхайм – Г. Хауссиг возводят это имя, предположительно к алтайскому – «*is-raroq*»- в значении «*отряд всадников*». Имя Аспарух известно на Кавказе и в более раннее время, по надписи найденной в Мцхете, и объясняется Альтхаймом – Хуссигом из древнетюркского – «*Isparaq*», в более точном значении – «*тот, чьё племя (оq) – всадники*» [39, 27-49]. К сказанному, следует добавить и замечание Д. Немета, который склоняется, к более поздней, османо-тюркской этимологии и дает имя «*Аспарух*» хана в значении – «*сокол*» [37, 176-177]. Титул хана *Кубрата*, его сыновей Аспаруха и Батбаяна, правнука Курума, у Феофана Исповедника в его «Хронографии» и Никифора Патриарха в его «Бревиаруме», соответствует термину – «*dominus*», переданном Анастасием, в значении – «*господин*», что является обычной формой обращения к византийскому императору [27, 131]. Использование этого титула в применении к варварским правителям описано у Феофилакта Симокатты, который, называет так *хагана аваров* [40, 257]. Наиболее употребительная формула в отношении к иностранным властителям – «*архонт*», а к болгарским – «*архонт от бога*», что находило себе соответствие в византийской титулатуре – «*василевс от бога*», как именовали византийского императора. Титул «*архонт от бога*», был официально признан за болгарскими ханами, по мнению В. Бешевлиева, в 814 году, после заключения мира между Византией и Омуртаг ханом (814-831) [30, 294-295, 297], до этого же момента официально признанным титулом был «*архонт*». Подчеркиваем этот аспект в пользу того, что Дунайская Болгарии, как государство, еще в 831 году имеет правителя – хана, а не царя, который – кесарь, появляется, по мнению С. Н. Палаузова, лишь после принятия Борисом христианства, в 861-862 гг [16, 24].

Выводы и перспектива. Настоящее исследование позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Народы, обитавшие в Северном Причерноморье и Приазовье, на территории Крымского полуострова во II – IX вв., и входившие в состав государства – ханства «Magna Bulgaria», представляли собой конгломерат различных, взаимовлияющих друг на друга племенных групп, *состоявших, в основном, из тюркоязычных болгар и их племенных отделений и колен.*

2. Существование европейских рунических знаков, слов и предложений, в исследуемое время, позволяют говорить о их родстве с руническими надписями Орхона и Енисея, как предшественников слов из словаря католических миссионеров Кодекс Куманикуса.

3. Археологический материал в сравнении с письменными источниками, позволяют выдвинуть рабочую гипотезу о существовании в государственном языке болгарского ханства «Magna Bulgaria» *диалектов болгарского языка.*

4. На основании данных «Именника болгарских хаганов и в соответствии с классификацией тюркских языков В.В. Радлова, Н.Баскакова, можно считать, предварительно установленным, что язык болгарского ханства «Magna Bulgaria» IV – VIII вв.

относится к западной (огузо-печенежской), смешанной в диалектном отношении группе тюркских языков и родственной предтечей языку Кодекса Куманикуса.

Литература

1. Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей / Н. Аристов. – Живая Старина. – вып.3-4. – СПб. – 1896. – 351 с.
2. Байчоров С. Древнетюркские рунические памятники Европы / С. Байчоров. – Ставрополь, 1989. – 340 с.
3. Гильфердинг А. Ф. История сербов и болгар / А. Ф. Гильфердинг. – СПб, 1868 – 274 с.
4. Голубинский Е. Краткий очерк истории православных церквей – болгарской... / Е. Голубинский. – Москва, 1871. – 180 с.
5. Голубовский П. Болгары и хазары ... / П. Голубовский. – Отгиск из журн. «Киевская старина». – Киев, 1888. – 43 с.
6. Димитров Д. Протоболгары северного и западного Черноморья / Д. Димитров. – Варна, 1987. – 80 с.
7. Ена Ал. Загадка урочища Абузлар / Ал. Ена, Ан. Ена. – газета «Къырым» – № 66 (1727) – 04 сентября 2013.
8. Ильминский Н. И. О фонетических отношениях между чувашскими и тюркскими языками / Н. И. Ильминский. – СПб, 1865. – Т. V. – Вып. 2. – С. 80 – 84.
9. Иречек И. К. История Болгар / И. К. Иречек. – Одесса, 1878. – 785 с.
10. Куник А. А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому «Именнику» / А. А. Куник. – СПб., 1879. – Т. 32. – Кн. 2. – Прил. – № 2. – 161 с.
11. Макушев В. История Болгар в труде К. Иречка / В. Макушев. – ЖМНП, 1878, СПб. – С.239-296.
12. Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология / Г. Е. Марков. – СЭ, 1981. – №4. – 124 с.
13. Меметова Э. Ш. Стилистика крымскотатарского языка / Э. Ш. Меметова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2001 – 144 с.
14. Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах / Н. Я. Мерперт. – Казань, 1957. – 36 с.
15. Овсяный Н. Болгария и Болгары / Н. Овсяный. – СПб., 1900. – 180 с.
16. Палаузов Н. Век болгарского царя Симеона / С. Н. Палаузов. – СПб. – 120 с.
17. Плетнева, А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева. – МИА – №142 – М., 1967. – 300 с.
18. Попов А. Обзор хронографов русской редакции / А. Попов. – I. II. Москва, 1866. – 700 с.
19. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах / В. В. Радлов. – СПб., 1893. – 110 с.
20. Рот К. История Славян / К. Рот. – Часть II. – СПб., 1908. – 138 с.
21. Русско-узбекский тематический словарь. – Ташкент, 1965. – 420 с.
21. Смирнов Н. И. Волжские болгары / Н. И. Смирнов. – М., 1904. – 124 с.
22. Соколов М. Из древней истории болгар / М. Соколов. – СПб., 1879. – 360 с.
23. Rad jugoslavenske Akademije snanosti – Кн. 13. – p.229.
24. Шафарик П. И. Славянские древности / П. И. Шафарик. – М., 1847. – Т. II. – Кн. 1. – 269 с.
25. Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи / Х. Фейзханов. – СПб., 1863. – Т. IV. – Вып. 5. – С. 395 – 404.
26. Узбекско-Русский словарь. – М., 1959. – 890 с.
27. Чичуров, И. – С. Хронография Феофана, «Бревиарий» Никифора / И. – С. Чичуров. – М. : Наука, 1980. – 220 с.
28. Энгельс, Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств / Ф. Энгельс, К. Маркс. – ПСС. – М., 1961. – 650 с.

Источники на иностранных языках

29. Altheim. Geschichte, II, 285.
30. Besevliw, 700.
31. Doerfer., «Elevente», II, 390.

32. Dolger, «Diplomatik», 490.
33. Златарски, «История», I, 1, 307., Ангелов, «Образуване», 218.
34. Malala, «Chron.», 431.
35. Moravcsik «Byzantinoturcica», II, 190.
36. Munkacsi Berna't., ;«A magyar ne'pies hala'szat münetlve» // «Ethnographia», 1893. IV. S.510.
37. Nemet. «Произходътъ», 171-174.
38. Paasonen H. «Die Turkischen Lehnwörter im Morwiniscen», Helsingfors, 1897 XV, №2, 90.
39. Haussig. Exkurs., 650.
40. Th. Sim. Hist., 420.

Умеров Е. Ш. До питання про мову болгарського ханства «MAGNA BULGARIA» / Е. Ш. Умеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 206–217.

У роботі розглядається, на основі «Хронографа російської редакції» і зроблених з витягів з «літописця Еллінського і Римського» на стор.25 -27, перекладеної з старо – церковно – слов'янської мови проф. А. Поповим, і досліджений акад. А. Куніков та проф. В.В. Радловим, «Іменник болгарських хаганом», мова болгар держави «Magna Bulgaria», в період з IV по VIII ст. н. ери, на території Північного Причорномор'я, Північного Приазов'я та Кримського півострова. Дослідження лексики, імен і титулів «іменником болгарських хаганом», вказують на пряме відношення мови древніх болгар до стародавнього чувашському мови.

Ключові слова: болгарське ханство «Magna Bulgaria», «Хронограф російської редакції», «літописець Еллінський і Римський», «Іменник болгарських хаганом», Ботпай хан.

Umerov E. S. About the question of language of the Bulgarian Khanate «MAGNA BULGARIA» / E. S. Umerov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 206–217.

In the scientific research on the basis of the “Chronograph of the Russian edition” and extracts which are made from the “chronicler of the Hellenic and Roman” on p.25 -27 and are translated from the old Church Slavonic language by prof. A. Popov, and are examined by Acad. A. Kuniko and prof. V.V. Radlov “The list of names of Bulgar khans” the language of the state of the Bulgars «Magna Bulgaria» during the period from IV to VIII centuries AD, in the northern Black Sea region, Northern Azov and the Crimean peninsula is examined. The analysis of the vocabulary, names and titles of “The list of names of Bulgar khans” points to a direct relation of the ancient Bulgars’ language to the Chuvash language, to communicate with the language of the ancient Bulgars Saltovo – Mayak culture and language of Eastern European runic characters that are based on comparative analysis with Khumarian runic signs and texts in the Caucasus show the homogeneity of culture, and there are several dialects in ancient Bulgar language, finally, uniformity, and close relatives of the ancient Bulgarian language with the Chuvash, on the one hand, and with the vocabulary of the Turkic Orkhon- Yenisei monuments, on the other hand, allows you to think about that the ancient Bulgar language is the forerunner of the language of the people with the words of which was compiled by Catholic missionaries in the 1287 – 1303 biennium, in Solkhat known Crimean Tatar language dictionary – Code Kumanikus .

Key words: Bulgar Khanate “Magna Bulgaria”, “Russian edition chronograph”, “chronicler of the Hellenistic and Roman”, “Nominalia Bulgar khans, Botpay Khan.

Поступила в редакцію 30.08.2013 г.